

## Книжность у старообрядцев Южной Вятки в 1920–30-е годы\*

И. Ю. Трушкова<sup>1</sup>, Е. И. Титова<sup>2</sup>

<sup>1</sup>доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политических наук,  
Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-2944-2446. E-mail: trushkova@vyatsu.ru

<sup>2</sup>кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук,  
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: usr06709@vyatsu.ru

**Аннотация.** Актуальность исследования книжности в старообрядческой среде в конкретных регионах и в России в целом определяется современными этнокультурными и общественно-политическими процессами, с их обращениями к разным этноконфессиональным сообществам, их духовным и экономическим ресурсам. В этой связи книжность выступает не только как маркер, но и как некое средоточие нравственного потенциала территориальных центров староверия. Проблемным представляется период 1920–30-х гг., с его сменой идеологической парадигмы, использованием новых рычагов давления, вариантов деструкций модели культуры «древлего благочестия» такого стабильно развивавшегося региона, как южная Вятка.

Целью статьи является анализ механизмов сохранения книжности у населения в данный период. Методы – сравнительно-исторические построения, «включенное наблюдение», этнографические и историко-бытовые экспедиционные исследования. Результаты исследования – реконструкция повседневного бытования книг у староверов южной Вятки. Направления использования включают прежде всего хранение (в том числе – сбережение от изъятия и уничтожения), использование культурных ценностей, передачу в музей и в нем уже использование в просветительной и другой работе. Кроме того, основополагающим продолжает быть направление использования в домашнем обучении. Полноценное воспроизводство книжного наследия староверия на южной Вятке в 1920–30-е гг. было остановлено и стало представляться в виде рукописных сборников, тетрадей, приобретенных в других регионах типографским способом отдельных изданий, частичной реставрацией отдельных экземпляров.

Выводы содержат обозначение алгоритмов бытования книжности в указанных хронологических и территориальных рамках, выявляются формы воспроизводства книжности – открытая и латентная, а также направления использования и специфика воспроизведения. Область применения результатов обозначается сферами культуры, образования, управления, молодежной и социальной политики, межрегиональных и внешних контактов.

**Ключевые слова:** старообрядческие подвижники, книжность, южная Вятка, повседневная история 1920–30-х гг., репрессии.

**Введение.** Старообрядчеству за последние два столетия его изучения посвящено немало работ историков, археографов, филологов и других специалистов-гуманитариев. Однако до сих пор недостаточно публикаций, касающихся XX в., в том числе таких серьезных с точки зрения общественных перемен 1920–30-х гг. Проблематичным представляется изучение рассматриваемого явления с точки зрения тех или иных концепций в разные исторические периоды. Так, после оголтелой критики старообрядчества в царские времена в советский период появились объяснения старообрядчества и с точки зрения пролетарской, классовой позиции, лояльные к большевистской политике. Типичный пример: «К прогрессивным сторонам раскола следует отнести освещение, то есть религиозное обоснование и оправдание различных форм сопротивления власти, официальной церкви, и феодально-крепостнического государства, борьбу за демократизацию церкви, разоблачение репрессивной политики царской и церковной властей в отношении старообрядцев и других верующих, не признававших официальной церкви, и оценку этой политики, как действий, противоречащих христианскому веро-

---

\* Работа выполнена по проекту № 18-2-021031 «Сохранение, популяризация и исследование старообрядческой книжной культуры» Фонда Президентских грантов.

© Трушкова И. Ю., Титова Е. И., 2019

учению» [11, с. 219]. Отмечается также, что «большевики многих фабрикантов расстреляли, многие фабриканты бежали за границу, но А. И. (Морозов) остался на месте. Его не тронули большевики, так как на защиту его выступили все его фабрики, но выселили его из дома, и он поместился со своей женой в сторожке при старообрядческой церкви, ...в церкви он исполнял обязанности звонаря и старосты, ... в ближайшей роще собирал дрова, топил печи, ...большевики ставили его трудолюбие в пример своим товарищам» [5, с. 472]. Тем не менее, равно как и другие религиозные течения в эпоху атеизма, старообрядчество подвергалось притеснениям, власти пытались свести и это конфессиональное явление к минимуму. В таких условиях крайне затруднительно было воспроизводить рассматриваемую культурную систему, в том числе и передавать из поколения в поколение такие ценности мирового значения, как рукописные и печатные старообрядческие книги. Проблема исследования – выявить и проанализировать механизмы воспроизводства старообрядческой культуры в крайне агрессивных внешних условиях, при классовом прессинге, и в условиях развития индустриальной эпохи советского образца. Общая тема обозначается как история старообрядческой книжности в советский период в конкретном регионе – в Кировской области.

Цель работы – анализ механизмов сохранения книжности; при этом задачи определяются как выявление направлений использования и воспроизводства книжного наследия староверия в советский период в Кировской области.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации «культурных технологий» предыдущих эпох в индустриальное время, практическое применение исследуемого материала обнаруживается в сферах культуры и образования, управлении этноконфессиональными процессами, молодежной и социальной политикой. Именно поэтому исследование подобных сюжетов необходимо и актуально на региональных и общестрановом уровнях.

*Методы.* Особое значение при такой постановке проблемы отводится микроисторическому методу, позволяющему реконструировать явления повседневной истории и быта, с его довольно высокой степенью объективности. Также повседневная история достаточно полно может быть воспроизведена при помощи этнографических/антропологических изысканий, особенно на региональном уровне. Как известно, микроистория помогает проводить интегрированный анализ множеств различных аспектов и при этом увидеть людей, участников изучаемых событий [23, с. 28].

Важную роль при этом играет метод «включенного наблюдения». Архивные, музейные и некоторые иные источники подвергаются обработке соответствующими методиками. Исследование истории локальных моделей культуры старообрядчества и книжности посредством применения описанных выше методов призвано повысить степень объективности и обойти политизированное восприятие староверия на местах.

*Результаты.* Благодаря конкретному сочетанию тематических и методологических ракурсов реконструируется определенная картина воспроизводства культуры староверия и книжности в ней в переломный период – 1920–30-е годы.

Изначально, еще на материалах XIX столетия, воссоздается определенная картина отношения к книгам и чтению в старообрядческой среде Вятского края.

Через чтение книг религиозного содержания старообрядцы с детства детальнее усваивали догматы православия. Сопереживания при чтении описаний подвигов мучеников за веру укрепляли веру: «Сердце у меня сизмальства уже к Богу лежало. Как стал себя помнить, как грамоте обучился, только о святом деле и помышление в уме было. Начитаешься, бывало, на ночь, какие святые отцы мучения претерпевали, какие подвиги совершали, на сердце ровно сладость какая прольется: точно вот плывешь или вверх уносишься. И уснешь-то, так и во сне-то видишь все, как они, наши заступники, в лютых мучениях имя божие прославляли и на мучителей своих божеское милосердие призывали» [12, с. 368].

Чтение книг религиозного содержания существовало практически во всех старообрядческих общинах. Как и молитва, это мыслилось чистым, святым занятием [17, с. 522]. Мир книг обрамлялся и другими бережно хранимыми предметами, особенно моленной одеждой. Как правило, в ней сохранялось немало традиций. «Наибольшая архаика представлена в старообрядческих костюмах – синих, коричневых круглых сарафанах, иногда косоклинных с рядом ажурных пуговиц спереди по центру. Необходимым дополнением были и шали, платки больших размеров, закрывающих при надевании кисти рук» [18, с. 356].

Воспроизводство и использование книжности до 1917 г. и в далеких уголках российской провинции ознаменовалось некоторой вольностью недолгого «золотого века» старообрядче-

ства, длившегося с 1905 по 1917 гг. Типография Л. А. Гребнева в южной Вятке – яркое тому подтверждение, ее известность выходила за пределы региона, а Ст. Тушка стала центром плодотворной работы по воспроизведению культурных ценностей «древнего благочестия». Вообще южная Вятка – богатый край, включавший целое созвездие старообрядческих поселений. Среди них – не только Старая Тушка, но и Русский Турек, про который еще в начале XX века отмечалось, что он – центр староверия, «богатое село, где живут местные лесоторговцы. Среди них – представители различных раскольнических толков» [1, с. 163].

После 1917 г., после смены власти начались деструктивные явления в отношении старообрядчества. На уровне микроистории, биографии отдельных личностей просматривается течение исторических событий в масштабе локуса. Так, например, биография известного старообрядческого писателя, просветителя, библиофила, художника, основателя типографии в южной Вятке Луки Арефьевича Гребнева, записанная с его слов, включает небезынтересные факты. «В 1917 г. в августе-сентябре был на всероссийском съезде поморских общин при Преображенском кладбище, кроме меня присутствовал на этом съезде и г-н д. Б Пальников Немского района Бабкин Леонтий Филиппович. Второй раз на Всероссийском съезде общин «поморцев» в Москве при Преображенском кладбище был делегатом от поморской тушкинской общины верующих в 1924 году. Кроме того, я имел приглашение на съезд поморцев в г. Саратов в 26 году, но выехать не пришлось с руководством Преображенского кладбища я был знаком и имел небольшую переписку, а также личное свидание в Москве с Кистановым Родионом Ивановичем, бывшим экономом Преображенского кладбища, Семеновых Евтихий Титович – мой компаньон по типографии, был служителем культа. Кроме того, я знаю еще Суворова Никиту Федоровича, бывшего управляющего типографией Преображенского кладбища, который имел переписку с жившим в Истории (орфография сохранена) Фроловым Гаврилом Ефимовичем, смотритель культа, который писал ему, что Царство Антихриста убито, а поэтому придет приближение Страшного суда. С руководителем областного совета в г. Саратове я знаком с Воробьевым Федором Васильевичем с которым имел личное общение в дер. Дергачах и тушке и в г. Москве. Имел с ним переписку и вплоть до 31 года». Еще один ракурс событий тех лет: «...центра поморского движения у нас нет, но иногда с каким-либо недоуменным вопросом мне приходилось обращаться в Москву к Кистынову Родиону Ивановичу и в город Саратов к Воробьеву Федоту Васильевичу. В Б-Пальниковском молитвенном доме я служил с марта 1931 года, сначала за штатным попом, а в последствии штатным, за период моей службы в Б-Пальниках у нас было созвано одно молебное собрание, на котором решался вопрос о выборах членов церковного совета и утверждении меня на должность священника Б-Пальниковского молитвенного дома» [22, л. 81–82]. После революционных потрясений и гражданской войны старообрядцы в глубинке начинали задумываться, как им отреагировать на судьбоносные изменения, как сохранить общины, книжное наследие, другие духовные ценности.

Воспроизводство религиозности в первые десятилетия советской власти продолжалось по инерции, на основе того наследия, которое было сформировано в предыдущие десятилетия и даже столетия. Новые архивные документы позволяют реконструировать детали жизни деревенской старообрядческой общины. Так, в «Показаниях по существу дела» дается следующее описание жизни Л.А. Гребнева в то время: «Происхожу я родом из дер. Дергачей Уржумского района, где жил до 1907 года, занимаясь иконописанием. С 1907 г. по 1908 гг. работал в Старообрядческой типографии в г. Москве, при Преображенском кладбище. С 1909 г. переехал в дер. Тушку Малмыжского района, где была иконописня, типография и словолитня с применением рабочих от 3 до 6 человек» [22, л. 80].

Типография Гребнева заработала на полную мощность после того, как вместе с Лукой Арефьевичем вернулись из Москвы учившиеся в типографии при Преображенской общине Николай Фукалов, Григорий – Матвея Серапионова сын, Степан Шмаков, Федор Черезов и Григорий сын Федосея Ивановича Фукалова. А Николай Матвеевич даже невесту себе нашел в Преображенской общине. Все они были парни толковые. Освоили в Москве все основные типографские профессии. Могли грамотно набирать текст, работать на печатной машинке и переплетать книги. Большим спросом пользовались богослужебная литература. Молились многие по рукописным книгам, не всегда грамотно переписанным. Поэтому Лука Арефьевич начал работу с выпуска Псалтыря, Часовника, Канонника и других богослужебных книг [6, с. 74]. Его главной заботой оставалась помощь людям, помощь единоверцам, укрепление старообрядчества как морально-нравственной основы.

Стремительно развивалась новая идеологическая работа. Л. А. Гребнев вспоминал: «Типография прекратила работу в 1917 году, а изъята в 1918 г., 18 октября. С 1920 г. по 1929 г.

было меднолитейное производство по производству крестов и икон с применением одного сезонного рабочего. Лишен избирправа в 1928 г. В 1930 г. был окончательно раскулачен. Из с. Тушки выбыл в с. Турек и 2 м-ца жил при молельне. Весной в марте м-це 31 г. переехал в дер. Б. Пальники Немского района и жил у своего знакомого Бабкина Леонилия Филипповича. С октября м-ца 31 г. стал служителем культа Б-Пальниковкой поморской общины о настоящее время. Живя в дер. Тушке, я был церковным старостой Тушкинской религиозной общины "поморцев" в течение 17 лет» [22, л. 80]. Показательно, что постепенно, шаг за шагом новые власти начинали преследования религии, воинствующий атеизм набирал силы.

После конфискации типографии Гребнев с сыном и несколькими помощниками вплоть до 1929 г. продолжал писать и отливать кресты и иконы. Из его мастерской выходили также колокольчики, шестерни для дрелей, медные втулки для тарантасов. По воспоминаниям З. М. Черезова, для лучшего освещения помещения в темное время в Гребневском доме «к потолку были подвешены большие стеклянные шары на блоках, которые наливались водой, и сбоку ставились лампы». Также Гребнев занимался садоводством и в голодный 1921 год многим помогал продуктами, никогда не требовал возврата, полагаясь на совесть... Собеседник он был интересный, много знал, легко ориентировался в любых вопросах. И хотя он придерживался строго древнего благочестия федосеевского согласия, но не был никогда занудой и моралистом, уважал мнение других и терпимо относился к сторонникам других вероисповеданий [6, с. 58].

Штрихи повседневности улавливаются в описании быта, дома, в котором жил подвижник веры. «В доме, кроме не застеленного, но хорошо проскобленного стола, простых лавок вдоль стен, деревянной кровати у порога под полатами, накинутой лоскутным одеялом, никакой мебели больше не было. В юго-восточном углу, как и во всех избах, висела божница с двумя потемневшими иконами. На голой стене в простынке между окнами была прибита гвоздочками вырезанная из журнала «Пчела» черно-белая копия картины «Бурлаки на Волге» [6, с. 80]. Мириады микродеталей воспроизводят картину жизни верующих людей весьма объективно.

В 1920–30-е гг. воспроизводить религиозные ценности в чистом виде не удавалось, поэтому активизировалась работа по их сохранению в качестве памятников истории и искусства. Логично, что Л. А. Гребнев принимал активное участие в работе Ново-Тушинского сельского музея местного края в с. Рожки Малмыжского уезда, успех которого во многом определялся его заведующим А. И. Янкиным.

Говоря о сохранении книжности в то время, следует отметить, что все самое ценное: собрание старинных книг и рукописей, образцы шрифтов, клише заставок, некоторую продукцию своей типографии, неразобранные бумаги и записные книги – он дважды передавал своему новому другу, молодому учителю Александру Ивановичу Янкину для его музея местного края [6, с. 105]. Не случайно «наиболее ценным и богато обставленным отделом являлся старообрядческий, заведомый бывшим владельцем известной официальной типографии в селе Старая Тушка, тонким гравером и художником Лукой Арефьевичем Гребневым, сдавшим в музей много дорогих пожертвований в качестве экспонатов» [13, с. 2].

Краеведческое движение стало популярным в крае. В июне 1923 г. в г. Вятке прошел первый областной съезд краеведов [19, с. 24]. А. И. Янкин неоднократно выступал и отчитывался на краеведческих мероприятиях. В одном из отчетов значилось: «Работа музея началась более регулярная после ухода заведующего музеем с работы в школе. Научная работа в музее главным образом рождается в текущей работе, то есть прием посетителей с научным объяснением экспонатов. Посетителей за 1923 год перебивало в музее 2178 человек. А с момента основания музея в 1921 году – 4873 человека. Разработка научных вопросов, касающихся нашего края в настоящее время в музее вполне возможна. Музей вообще имеет педагогический уклон и практически ведет пропаганду за проведение в жизнь школы 1 ступени исследовательского метода с краеведческим принципом, для чего при музее образована педагогическая секция, поставлена себе цель – проведение в школу 1 ступени исследовательского метода» [21, л. 66].

Еще пример: «Заслушав доклад заведующего Ново-Тушинским музеем местного краеведения в с. Рожках А. И. Янкина о краеведении в библиотеке, съезд работников внешкольного образования Малмыжского уезда постановил: «Доклад А. И. Янкина принять к руководству и краеведение как верное орудие в познании своей родины и рычаг поднятия культурного и экономического положения России. Признать в библиотеке за основу в работе просвещения народных масс уезда, просить Уполитпросвет изыскать средства к распространению по биб-

лиотекам журналы «Музейные проблески» [21, л. 71]. Сам Александр Иванович отмечал, что особенностью этого региона является преобладание старообрядцев, отличающихся особенной трудоспособностью, восприимчивостью и силой воли. Исторические условия выработали в местном старообрядческом населении привычку неустанно работать, постоянно проявлять свою инициативу и изобретать, непрерывно увеличивать свое благосостояние. [21, л. 72]. Немалую роль в этом деле сыграл и Л. А. Гребнев. Лука Арефьевич принимал экскурсантов у себя дома, знакомил их с историей старообрядчества, в 1924 г. получил благодарность от властей «за содействие местному музею и за пожертвование многих ценных древнерукописных и первопечатных книг» [4].

Однако не все в общественной и религиозной жизни выглядело спокойно. Волна репрессий докатилась и до Л. А. Гребнева. Его арестовали и судили в связи с коллективизацией и раскулачиванием. «В самой идее коллективизации нет ничего криминального. Другое дело – как она воплощается в жизнь» [2, с. 14]. В материалах дела Л. А. Гребнева значились его слова: «Сам же я лично убежден, что коллективизация вредна для религии, так как там, в колхозах, люди разлагаются и большинство не верит в бога. Против проводимых мероприятий советской власти я никогда не агитировал, но и в то же время ничем ей не помогал, а был пассивен, ибо мне, как имеющему религиозные убеждения с малых лет, трудно было согласиться с теми порядками, которые существуют в настоящее время. Имея иконописную мастерскую, типографию и меднолитейный завод не в целях извлечения прибыли, а их чисто религиозных убеждений, т. е. способствовать укреплению религии» [22, л. 84]. Безусловная сила духа и преданность делу, воистину святое отношение к книгам, другим предметам культа были свойственны старообрядцам в довоенное время. Известно, что в старообрядчестве и в советское время сохранялась сильная традиция отвержения компромисса с властью, главным выражением которой являлся побег, нелегальное положение, а в идеологическом плане – «усиленное распространение представлений об антихристовой природе послереволюционной власти и близком конце света» [3, с. 206].

Особенности воспроизведения книжности в староверии в Кировской области в XX в., и в том числе – в 1920–30-е гг., реконструируются по материалам этнографических экспедиций [7], этнографических и историко-бытовых экспедиций [8]. Экспедиционные нарративы дополняются музейными источниками – фонды некоторых районных музеев содержат уникальные культовые и бытовые предметы старообрядцев региона, находившиеся в той или иной степени использования на протяжении XX в. [9]. Основное направление использования – хранение в качестве культурных ценностей семьи, воспоминания, домашнее обучение.

В 1920–30-е гг. обозначились алгоритмы, которые позднее воспроизводились во все советские годы. На протяжении всей жизни определенным образом явно или латентно старообрядцами региона использовались книги – как хранимые, так и используемые в богослужебных целях. «Большую роль в передаче духовного опыта староверов играла и играет книга... В советский период, несмотря на правительственные меры, книги в старообрядческой среде не только продолжали бережно храниться, но и активно переписывались, благодаря чему до сих пор бытуют у вятских староверов» [14, с. 112, 144].

В старообрядческой среде детей приучали к книгам с малолетства. Общеизвестен факт раннего обучения детей грамоте в староверческих семьях: «...бывало и в пять лет уж только за книгу садили, бывало, как научится говорить – ко книгам приучали...» [16, с. 175]. В целом, «длительное сохранение традиции в отдельных локусах, даже в период развитого социализма. этнокультурная микроистория отдельных местностей корректирует некоторые общие положения о практически полном стирании этнической и религиозной идентичности в рассматриваемом сообществе и показывает детализированные пути и направления ее воспроизводства» [15, с. 82].

Утвердившаяся в 1920–30-х гг. политика атеизма, дисперизация семей и общин привели к тому, что на сегодняшний день лишь определенные книжные коллекции имеются в бытовании у староверов-беспоповцев и староверов-поповцев. По сути, постоянное репрессивное отношение властей, ветры перемен, собиратели и коллекционеры работали на уменьшение книжных собраний, находящихся в «родной среде». Тем не менее подвижничество и традиции воспитания у старообрядцев влияли на снижение скорости выветривания книжного наследия. Из современных примеров сохранения и использования книжности – инициатива молодых старообрядцев собирать и реставрировать книги, чтобы эти ценнейшие памятники истории и культуры могли в более сохранном виде перейти по наследству к будущим поколениям.

Так, анализ механизмов сохранения книжности на южной Вятке, как и в Вятском регионе, в 1920–30-е гг. показал, что среди направлений использования выявляется хранение (в том числе сбережение от изъятия и уничтожения), использование как культурных и музейных ценностей, а также в домашнем обучении. Воспроизводство книжного наследия староверия в советский период в Кировской области представлено фрагментарно, в виде рукописных сборников, тетрадей, приобретенных в других регионах типографским способом отпечатанных календарей, богослужебных книг, а также реставрации отдельных экземпляров.

*Обсуждение.* Интерпретации полученных результатов соотносятся с региональной компаративистикой этнокультурного наследия старообрядчества. Результаты этнического Ренессанса, образование на постсоветском пространстве вместо союзных республик независимых государств несколько видоизменили прежние культурные и семейные контакты старообрядцев, живущих в Вятском регионе. Исторические связи и возможность посещать обозначенные территории в их новом статусе выявили наличие некоторых общих черт в этнокультурах староверов [10; 20, с. 54–60]. Но везде по-прежнему воспроизводится архи-уважительное отношение к книгам. Сходства в характеристике материальной и духовной жизни, в повседневности можно объяснить длительным существованием в едином российском государстве, общими устоями, традициями. Различия, разумеется, выводятся из-за локальной специфики, конкретной комбинаторики внешних факторов, воздействовавших на региональные модели и т. д.

Применение на практике полученных результатов очерчивается не только сферами культуры и образования, но и управления, выстраиванием межэтнических и межрелигиозных отношений, формулированием муниципальной, региональной, федеральной и межстрановой политики.

*Заключение.* Таким образом, актуализация комплексного и детального восприятия различных этноконфессиональных сообществ в России привела к новому витку значимости исследований региональных моделей старообрядческой культуры. Ярким сюжетом в них предстает книжность, с рядом закономерностей воспроизводившаяся на южной Вятке в 1920–30-е гг. Среди направлений ее использования – открытых и латентных – сбережение и изучение в качестве культурных памятников, использование в домашнем обучении и воспитании, восприятие как символа этнической и конфессиональной идентичности. В качестве перспектив исследования можно обозначить проработку подобных сюжетов в иных хронологических рамках, территориях и детализацию современного использования книжного наследия старообрядчества в разных сферах общественной жизни.

### Список литературы

1. Зеленин Д. К. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев : Тип. Эд. Бергмана, 1904. 180 с.
2. Карачаров Ю. Г. Все равно буду жить! Киров : Кировское отделение Волго-Вятского книжного издательства. 1990. 192 с.
3. Коровушкина-Пярт И. П. Старообрядчество Урала в годы сталинской «революции сверху»: репрессии, протест и выживание / И. П. Коровушкина-Пярт // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье. Екатеринбург : Молот, 2001. С. 206–217.
4. Лука Арефьевич Гребнев. URL: <http://religiocivilis.ru/hristianstvo/christ-g/11769-grebnev-lukarefevich.html>.
5. Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул : Изд-во БГПУ, 1999. 557 с.
6. Мосунов Б. А. Книгопечатник Лука Гребнев. Повесть и очерки. Киров : Старая Вятка, 2008. 115 с.
7. ПМА Трушкова И. Ю. Уржумский, Малмыжский, Омутнинский, Мурашинский, Нолинский, Немский, Унинский, Вятско-Полянский, Кильмезский, Афанасьевский р-ны Кировской обл., 1990–2019 гг.
8. ПМА Титова Е. И. Уржумский, Малмыжский р-ны Кировской области, 2003–2019 гг.
9. ПМА Трушкова И. Ю. Афанасьевский р-н, фонды и экспозиция Афанасьевского краеведческого музея; ПМА Трушкова И. Ю. Кильмезский р-н, фонды и экспозиция Кильмезского краеведческого музея.
10. ПМА Трушкова И. Ю., Титова Е. И. Молдавия, Румыния, Польша, Латвия, Литва, 2018.
11. Русское православие: веки истории. Москва : Изд-во политической лит-ры, 1989. 720 с.
12. Салтыков-Щедрин М. Е. Губернские очерки : собр. соч. Т. 2. М. : Художественная литература, 1965. 560 с.
13. Семибратов В. К. Александр Иванович Янкин // Уржумская старина. № 2. Март-апрель, 1991. С. 1–3.
14. Титова Е. И. Система образования у старообрядцев в Вятском регионе в XIX–XX веках. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2016. 258 с.

15. Титова Е. И., Трушкова И. Ю. Старообрядческие иконы в быту населения Уржумского района Кировской области во второй половине XX вв. // Вестник ВятГУ, 2017. № 11. С. 80–83.
16. Трушкова И. Ю. Этнопедагогика в культуре старообрядцев Вятского региона // Старообрядческий мир Волго-Камья. Проблемы комплексного изучения : материалы науч. конф. Пермь, 2001. 282 с.
17. Трушкова И. Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX вв. (система жизнеобеспечения). Киров : Маури-принт, 2003. 722 с.
18. Трушкова И. Ю. Традиционные костюмные комплексы Вятского края (проблемы формирования, взаимовлияния, современного состояния) // История и культура Вятского края. Т. 2. М. ; Киров : Константа, 2005. С. 293–510.
19. Трушкова И. Ю. Этнографические исследования в Кировской области и Вятский государственный гуманитарный университет // Вятская земля в прошлом и настоящем. К 100-летию Вятского государственного гуманитарного университета. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2014. С. 21–28.
20. Трушкова И. Ю. Старообрядческие общины в российском зарубежье: штрихи этнокультурной повседневности в конце XX – начале XXI вв. // Вестник гуманитарного образования. История. Филология. Культурология. 2018. № 3(11). С. 54–60.
21. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. Р-1266. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 66–72.
22. ЦГАКО. Ф. Р-6799. Оп. 8. Д. СУ-10165. Л. 80–84.
23. Шлюмбом Ю., Кром М., Заколл Т. Микроистория: большие вопросы в маленьком масштабе // Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории. СПб. : Алетей, 2003. С. 7–28.

## Bookishness among the old believers of South Vyatka in the 1920–30-ies

I. Yu. Trushkova<sup>1</sup>, E. I. Titova<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of history and Political Sciences, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-2944-2446. E-mail: trushkova@vyatsu.ru

<sup>2</sup>PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of history and Political Sciences, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: usr06709@vyatsu.ru

**Abstract.** The relevance of the study of bookishness in the old believer environment in specific regions and in Russia as a whole is determined by modern ethno-cultural and socio-political processes, with their appeals to different ethno-confessional communities, their spiritual and economic resources. In this regard, bookishness acts not only as a marker, but also as a kind of focus of the moral potential of the territorial centers of old believers. The period of 1920–30-ies, with its change of ideological paradigm, the use of new levers of pressure, variants of destruction of the model of culture of "ancient piety" of such a steadily developing region as South Vyatka, seems to be problematic.

The purpose of the article is to analyze the mechanisms of preservation of bookishness in the population in this period. Methods are comparative-historical constructions, "included observation", ethnographic and historical-everyday expedition researches. The results of the study are the reconstruction of the everyday existence of books among the old believers of southern Vyatka. Areas of use include primarily storage (including saving from seizure and destruction), the use of cultural values, transfer to the museum and usage in educational and other work within it. In addition, the direction of use in home education continues to be fundamental. The full reproduction of the book heritage of the old believers in the southern Vyatka in the 1920–30-ies was stopped and began to be presented in the form of handwritten collections, notebooks acquired in other regions by the printing method of individual publications, partial restoration of individual copies.

Conclusions contain designation of algorithms of existence of bookishness in the specified chronological and territorial frameworks, forms of reproduction of bookishness – open and latent, and also directions of use and specificity of reproduction are revealed. The scope of application of the results is indicated by the spheres of culture, education, management, youth and social policy, interregional and external contacts.

**Keywords:** old believer ascetics, bookishness, South Vyatka, everyday history of the 1920–30-ies, repressions.

### References

1. Zelenin D. K. *Kama i Vyatka. Putevoditel' i etnograficheskoe opisanie Prikamenskogo kraja* [Kama and Vyatka. Guide and ethnographic description of the Kama region]. Yuriev. Typ. of Ed. Bergman. 1904. 180 p.
2. Karacharov Yu. G. *Vse ravno budu zhit'!* [I will still live!] Kirov. Kirov branch of the Volga-Vyatka book publishing house. 1990. 192 p.
3. Korovushkina-Pyart I. P. *Staroobryadchestvo Urala v gody stalinskoj "revolyucii sverhu": repressii, protest i vyzhivanie* [Old believers of the Urals in the years of Stalin's "revolution from above": repression, protest

and survival] / I. P. Korovushkina-Part // *Problemy istorii Rossii. Vyp. 4. Evrazijskoe pogranich'e* – Issues of the history of Russia. Issue 4. The Eurasian Borderlands. Ekaterinburg. Molot. 2001. Pp. 206–217.

4. *Luka Aref'evich Grebnev* – Luka Arefyevich Grebenev. Available at: <http://religiocivilis.ru/hristianstvo/christ-g/11769-grebnev-luka-refevich.html>.

5. *Mel'nikov F. E. Kratkaya istoriya drevlepravoslavnoj (staroobryadcheskoj) cerkvi* [Brief history of the old Orthodox (old believer) Church]. Barnaul. BSPU. 1999. 557 p.

6. *Mosunov B. A. Knigopechatnik Luka Grebnev. Povest' i ocherki* [Book printer Luka Grebenev. Novel and essays]. Kirov. Staraya Vyatka. 2008. 115 p.

7. *PMA Trushkova I. Yu. Urzhumskij, Malmyzhskij, Omutninskij, Murashinskij, Nolinskij, Nemskij, Uninskij, Vyatsko-Polyanskij, Kil'mezskij, Afanas'evskij r-ny Kirovskoj obl., 1990–2019 gg.* [Urzhum, Malmyzh, Omutninsk, Murashy, Nolin, Nema, Uny, Vyatskie Polyany, Kilmez, Afanasyevo districts of Kirov region, 1990–2019].

8. *PMA Titova E. I. Urzhumskij, Malmyzhskij r-ny Kirovskoj oblasti, 2003–2019 gg.* [Urzhum, Malmyzh districts of Kirov region, 2003–2019].

9. *PMA Trushkova I. Yu. Afanas'evskij r-n, fondy i ekspozitsiya Afanas'evskogo kraevedcheskogo muzeya* [Afanasyevo district, funds and exposure of Afanasyevo history museum of local lore]; *PMA Trushkova I. Yu. Kil'mezskij r-n, fondy i ekspozitsiya Kil'mezskogo kraevedcheskogo muzeya* [Kilmez district, funds and exposure of Kilmez museum of local lore].

10. *PMA Trushkova I. Yu., Titova E. I. Moldaviya, Rumyniya, Pol'sha, Latvija, Litva, 2018* [Moldova, Romania, Poland, Latvia, Lithuania, 2018].

11. *Russkoe pravoslavie: vekhi istorii* – Russian Orthodoxy: milestones in history. M. Publishing house of political literature. 1989. 720 p.

12. *Saltykov-Shchedrin M. E. Gubernskie ocherki : sobr. soch. T. 2.* [Sketches of Provincial life : coll. works. Vol. 2]. M. Khudozhestvennaya Literatura. 1965. 560 p.

13. *Semibratov V. K. Aleksandr Ivanovich Yankin* [Alexander Ivanovich Yankin] // *Urzhumskaya starina* – Urzhum Antiquity. No. 2. March–April, 1991. Pp. 1–3.

14. *Titova E. I. Sistema obrazovaniya u staroobryadcev v Vyatskom regione v XIX–XX vekah* [The system of education of old believers in the Vyatka region in the XIX–XX centuries]. Kirov. Raduga-PRESS. 2016. 258 p.

15. *Titova E. I., Trushkova I. Yu. Staroobryadcheskie ikony v bytu naseleniya Urzhumskogo rajona Kirovskoj oblasti vo vtoroj polovine XX vv.* [Old believer icons in the life of the population of Urzhum district of the Kirov region in the second half of the XX century] // *Vestnik VyatGU* – Herald of VyatSU. 2017. No. 11. Pp. 80–83.

16. *Trushkova I. Yu. Etnopedagogika v kul'ture staroobryadcev Vyatskogo regiona* [Ethnopedagogy in the culture of the old believers of the Vyatka region] // *Staroobryadcheskij mir Volgo-Kam'ya. Problemy kompleksnogo izucheniya : materialy nauch. konf.* – Old believer world of Volga-Kama region. Issues of complex study : materials of scientific research conf. Perm. 2001. 282 p.

17. *Trushkova I. Yu. Tradicionnaya kul'tura russkogo naseleniya Vyatskogo regiona v XIX–nachale XX vv. (sistema zhizneobespecheniya)* [Traditional culture of the Russian population of Vyatka region in the XIX–early XX centuries (life support system)]. Kirov. Mauri-print. 2003. 722 p.

18. *Trushkova I. Yu. Tradicionnye kostyumnye komplekсы Vyatskogo kraya (problemy formirovaniya, vzaimovliyaniya, sovremennogo sostoyaniya)* [Traditional costume complexes of Vyatka region (issues of formation, mutual influence, modern state)] // *Istoriya i kul'tura Vyatskogo kraya* – History and culture of Vyatka Region. Vol. 2. M.; Kirov. Constanta. 2005. Pp. 293–510.

19. *Trushkova I. Yu. Etnograficheskie issledovaniya v Kirovskoj oblasti i Vyatskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet* [Ethnographic studies in the Kirov region and Vyatka State Humanitarian University] // *Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem. K 100-letiyu Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Vyatka land in the past and present. To the 100th anniversary of Vyatka state humanitarian University. Kirov. VyatSHU. 2014. Pp. 21–28.

20. *Trushkova I. Yu. Staroobryadcheskie obshchiny v rossijskom zarubezh'e: shtrihi etnokul'turnoj povsednevnosti v konce XX–nachale XXI vv.* [Old believer communities in the Russian abroad: touches of ethnocultural everyday life in the late XX–early XXI centuries] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya. Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya*–Herald of humanitarian education. History. Philology. Cultural study. 2018. No. 3 (11). Pp. 54–60.

21. Central state archive of the Kirov region. F. P-1266. Inv. 1. St. unit 17. Sh. 66–72.

22. Central state archive of the Kirov region. F. P-6799. Inv. 8. File CY-10165. Sh. 80–84.

23. *Shlyumbom Yu., Krom M., Zakoll T. Mikroistoriya: bol'shie voprosy v malen'kom masshtabe* [Microhistory: big questions on a small scale] // *Proshloe – krupnym planom: sovremennye issledovaniya po mikroistorii* – Past close-up: modern research on microhistory. SPb. Alethea. 2003. Pp. 7–28.